

В балете тоже «отмывают» деньги

Камс, правда, - 1994. - 10 авг.

Московский театр «Русский балет» в последние годы, пожалуй, чаще бывает за рубежом, чем дома. Сейчас труппа, которой руководит известный танцовщик Вячеслав Гордеев, с успехом гастролирует в Мексике. Затем планируется поездка в США, а после — традиционное турне по Западной Европе... Так что нет ничего странного в том, что темой беседы нашего мексиканского корреспондента с Гордеевым стали дела сугубо «домашние».

— Заграничные гастроли для нас сейчас еще и средство отвести своих артистов от дилеммы: уезжать им из России или оставаться. Сегодня в Москве артисту балета жить и работать стало, увы, очень дорого.

— Но у вас в группе проблема «утечки кадров», похоже, не стоит. Наоборот, есть даже несколько иностранных танцоров.

— У нас работают японцы, монголы, австралийка. Все они хотели танцевать именно в русском балете. Я первым в нашей стране из художественных руководителей театров балета взял на работу иностранцев. Это лучше, чем если наши педагоги и танцовщики уезжают за границу. Тот, кто уезжает навсегда, теряет в своей профессии что-то очень существенное, потому что я глубоко убежден — сохранять традиции, чистоту классического танца можно только в России.

Ведь классика балета — это не только большое количество классных исполнителей и знаменитые сцены. Это прежде всего наш российский темперамент, на котором все замешано. Те люди, которые по-настоящему знают классический балет, никуда из России не уедут. Потому что они понимают — пусть даже сейчас у нас не принято говорить о патриотизме и любви к Родине, — что в отрыве от своей земли ты ничего, подобного тому, что создавал, не создашь. Тому примеров очень много. Барышников, Нуриев, Годунов, Макарова — выдающиеся исполнители, но как они изменились за то время, пока были «там»? Они совсем другими людьми стали, и танцевать стали по-другому, и чувствовать иначе. Потому что культура — это не только

то, что мы уже приобрели. Культуру мы впитываем каждый день. Все, что вокруг нас, накладывает свой отпечаток. Что-то в нас появляется новое, хорошее, но что-то уходит...

— Вас не смущает нынешняя Москва, усыпанная, как оспой, торговыми киосками?

— Я москвич, и когда, например, едешь в Санкт-Петербург на гастроли, меня там иногда «простреливает». Может, там климат такой, не знаю — шея болит, ногой не двинуть. Сажусь в поезд, все плохо, жизни никакой нет, вернуться не могу. Приезжаю в Москву, высказываю на перрон, побежал — и только к вечеру вспомнил, что с ночи в поезде лежался-то с «прострелом»...

Мне нравится в Мехико, нравятся, как принимают, что полные залы. Но когда я приезжаю в Москву, то мне сложнее и ответственнее танцевать, чем за границей. Потому что дома придет публика, которая знает балет не только понаслышке. Может быть, придут педагоги, которые меня учили, и мне перед ними плохо станцевать никак нельзя. И от всего этого создается совершенно другое, праздничное какое-то настроение... У нас здесь очень много выступлений, а в Москве может быть только пять, но эти пять я помню весь год.

— То есть и сегодня — не только школа, но и традиции, почва, как бы старомодно это ни звучало, очень многое значат?

— Думаю, для балета это первоочередное. Что отличает западных исполнителей, когда они танцуют классику? Недостаток вкуса, стиля. Потому что это нельзя рассказать, это можно только впитать, это передается так, потихонечку, от одного к другому. Наскоком этому научить нельзя.

— Но балет в Москве переживает сейчас не лучшие времена...

— Да, сейчас очень сложно в Москве. Коллективы балетные создаются чуть ли не каждый месяц. Только и слышишь, что такой-то богатый человек (правда, сейчас эта волна затихает) или СП откуда-то из Швейцарии создают балетный театр. Прямо так и называется сразу — театр, хотя там всего три человека. За-

пускают рекламу и норовят обязательно вставить в название «русский», «московский» и т. д. Готовятся с совершенно четкой задачей — выезд за рубеж. Потом через какое-то время — раз, коллектива этого нет. Все на улице, все ходят, ищут работу. А к чему это ведет? Артист балета не позанимался неделю — он же сам видит это, две недели — все это видят.

— Не знаю, применимо ли это к балету, но известно, как в кинопроизводстве «прокручивали» деньги, отмывали их...

— Да, тут тоже отмывают. Еще хуже бывает. Год назад одно СП пообещало деньги, из Ташкента переманили артистов. Они приехали в Москву, их поселили в пригородном пансионате. А там какие-то бани, в них «спонсоры» загаскивают девочек... Просуществовал «театр» два месяца, а потом разогнали их всех благополучно.

Трудно сейчас театрам, и не только балетным, но и драматическим. Непомерно высокая арендная плата за помещение. Гарантий, разумеется, никто не дает. Нужно снять театр, заплатить аренду. После этого сколько берете с продаж, столько у вас и будет денег. Это очень скользкий путь... И все очень просто для людей, может быть, талантливых, но не имеющих в данную минуту возможности выложить на стол 5 тысяч долларов, чтобы организовать себе выступление. Мо-

жет, потом он заработает и больше, но у него нет этих денег сейчас.

— Вы согласны с нашим старым лозунгом, что настоящий талант сам себе пробьет дорогу? Или — что настоящее искусство будет самокупаемым?

— Мне трудно однозначно ответить на этот вопрос. Я видел, как талантливые люди бились, бились и ничего не достигли. И в то же время другие, тоже с талантом, при минимуме усилий всего достигают. Тут нужны люди, которые поверят в этот талант и вложат в него деньги. Но это все опять-таки очень индивидуально...

— Должно ли государство взять на себя все заботы о культуре или все-таки можно понадеяться на меценатство?

— Я считаю, что государство все равно должно думать о культуре так же, как и о науке. Это две области, которые создают общество.

У нас сейчас, увы, все заполнила массовая культура. Телевидение и радио забито рок-музыкой, симфонических концертов почти не транслируют. Это нерентабельно показывать — никто не будет смотреть, и рекламу туда не засунешь. Балета стало очень мало на экране. Драматические спектакли тоже почти исчезли. Все больше презентации. Я понимаю, что Михаила Михайловича Жванецкого очень интересно на презентации посмотреть, особенно, если там подарки раздадут. Но это же не все искусство...

Мы живем сегодняшним днем, мы проживаем то, что получили вчера. Я посмотрел, кто сейчас ходит в театры. Очень редко молодежь там появляется, ей недосуг. Ей интереснее пойти на Красную площадь, где устраивают концерт каких-нибудь рок-звезд. Естественно, это не требует никакого понимания.

— Но и Ростроповича на Красную площадь приглашали.

— Ростропович стал уже больше политической фигурой... Почему во все времена балет считался придворным искусством? Потому что он синтетичен — здесь и музыка, и танец, и живопись. В России царская фамилия традиционно покровительствовала балету, люди самого выс-

шего эшелона общества любили искусство, давали деньги для того, чтобы оно было представлено в Европе. И это были не случайные люди с теневым бизнесом, какие-то бандиты в прошлом, которые сейчас дают деньги, чтобы отмыть их, покрасоваться на презентациях в двубортных пиджаках...

Да, говорят: настоящий талант пробьется, но я считаю, по-настоящему творческий человек не может заниматься искусством и администрированием. Либо одно, либо другое. Я сейчас совмещаю это, потому что заканчиваю танцевать и чувствую ответственность за труппу, которая стоит за мной. Но я не уверен, что человек, только вступающий в творческую жизнь, может в одиночку, без всяких отступлений от своих принципов, пробиться. Ради успеха, признания люди часто жертвуют в чем-то своей совестью, честью, достоинством, а человек творческий не может без этих качеств. Так же, как и без чувства патриотизма, которое выстраивается сейчас вообще, в принципе из нашего сознания. А ведь самые знаменитые, самые высокохудожественные произведения создавались на основе именно этого чувства. А «Ромео и Джульетта», например? Тема любви. Где она сейчас — тема любви? Для кого ее рассказывать, если люди не понимают, если это вообще уходит?

— Как! Но ведь проходит же что-то — эротика, свобода...

— Ну, конечно, все подменяется на дешевое, более доходчивое. Все сведено до кустарщины какой-то. Принцип один — продать и как можно больше заработать. И идут уже не произведения искусства, а поделки. Во всем так, и в балете в частности.

— Последний вопрос как раз на эту тему. Наступили эпохальные перемены, но отечественные таланты так и не взялись за создание подobaющих историческому моменту шедевров. Вроде бы сбросили мешавшую систему, раскрепостили творческие силы — а они, как назло, застыли?

— Мы от одной зависимости перешли к другой. Если раньше была зависимость от

власти, были все эти обкомы и отделы культуры, то теперь у нас есть люди, которые дают деньги или не дают. Изпод одной власти мы «вспрыгнули» под другую. Что касается утверждения, что сейчас в нашей культуре ничего не происходит, то мне почему-то сразу вспомнился Модильяни. Человек жил, творил, все знали, что его картины были новым словом, многим они нравились. Но никто не покупал его картины, до тех пор, пока он не умер. Признание часто приходит тогда, когда творчество становится достоянием истории...

Что сейчас делают, чтобы приватизировать наши заводы и фабрики? Их сначала разрушают, чтобы скупить по дешевке. Потом, может быть, на их месте возникнут новые, современные, более эффективные. Но это после того, как их сначала разрушат, как в песне, — до основания. В искусстве происходит то же самое. Его практически за бесценок растащили. Вывезли за границу многих специалистов. И не только из-за экономических трудностей, но и из-за того, что у нас террор в стране, у нас на улицу выйти нельзя нормальному человеку, тебе набьют лицо или ограбят. Если у Абдулова, Караченцова от театра угоняют машину, шофера Улановой выкидывают из машины и уезжают на ней, и никто никогда их не находит, да и не ищет — то какая это власть?

Может, когда все это уляжется, те же самые люди, что сейчас уехали, и вернуться. Потому что они знают, где их родина, узнают, что желанны на ней. На Западе правило: пока ты действуешь — ты интересен, а стоит тебе только немножко сбавить — возраст или болезнь, — тебя все забывают моментально. Если ты успел сколотить себе состояние, ты человек. Если нет — нет. У нас еще пока народ добр к артистам, вспоминает о них, существует момент ностальгии, что свойственно для русского человека. Не случайно многие наши бывшие «невозвращенцы» потянулись на родину...

Евгений УМЕРЕНКОВ.

(Наш соб. корр.).

Мехико.